

А.А. АКИМОВ

СООТНОШЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЙ «КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ШЕЛЬФ» И «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА» НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО МОРЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию все еще не решенной проблемы соотношения понятий «континентальный шельф» и «исключительная экономическая зона». На основе сравнительного анализа юридического содержания данных понятий, в частности на примере делимитации в Северном море, автор приходит к выводу о фактическом поглощении понятия «континентальный шельф» понятием «исключительная экономическая зона» в районах, где установлена последняя.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, континентальный шельф, исключительная экономическая зона, суверенные права, юрисдикция.

1. Фундаментальные положения современного международного морского права, касающиеся правового режима континентального шельфа (далее — КШ) и исключительной экономической зоны (далее — ИЭЗ), наиболее полно нашли свое отражение в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.).

В отличие от доктрины ИЭЗ, правовая концепция КШ получила свое первое международно-правовое закрепление еще в Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. (далее — Конвенция 1958 г.)¹, а национальное законодательство знакомо с ней еще со времен Прокламации американского Президента Трумэна № 2667 от 28 сентября 1945 г.², которая, по мнению Международного Суда ООН, стала рассматриваться в качестве отправной точки для положительного права по данному предмету³.

В Конвенции 1958 г. под КШ понимались поверхность и недра морского дна подводных районов, прилегающих к берегу, но находящихся вне зоны территориального моря, до глубины 200 метров, или, за этим пределом, до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов. Как видно, акцент в Конвенции 1958 г., был сделан не только на геологической природе шельфа (что было, безусловно, приоритетным), но и на возможности его эксплуатации.

Однако со времен Конвенции 1958 г. концепция КШ претерпела серьезные изменения. Конвенция 1958 г. с ее определением шельфа не устраивала государства, не имевшие «естественного продолжения» (геологического КШ), но стремившиеся в перспективе получить контроль над ресурсами прибрежного морского дна. Они утверждали, что КШ должен быть определенной величины (200 морских миль), отмеряемой от исходных линий, независимо от характера морского дна — «юридический шельф». Это оспаривалось государствами с широким геологическим шельфом, которые уже осуществляли юрисдикцию на основе «естественного продолжения» за пределами 200 миль⁴.

Компромисс по этому вопросу был достигнут на III Конференции по морскому праву⁵. Именно поэтому в Конвенции 1982 г. содержится значительное число статей, кардинально меняющих изначальные представления о КШ.

Было решено отказаться от подхода Конвенции 1958 г., которая не содержала конкретных пределов шельфа, и они могли меняться в зависимости от технологических возможностей прибрежного государства. В новой Конвенции 1982 г. была установлена общая величина ширины КШ: внешняя границы подводной окраины материка или 200 морских миль от исходных линий. К моменту подписания Конвенции 1982 г. этот подход к определению величины КШ отражал обычную норму международного права⁶. Но Конвенция

¹ Молодцов С.В. Международное морское право. М.: Международные отношения, 1987. С. 115.

² Brown E. The International Law of the Sea. Volume I. Introductory Manual. Aldershot: Dartmouth Publishing Company Limited, 1994. P. 19.

³ Op. cit. P. 161.

⁴ Evans M. International Law. First Edition. New York: Oxford University Press, 2003. P. 643.

⁵ Oppenheim's International Law. Ninth Edition. Volume I. Peace. Essex: Longman Group UK Limited, 1992. P. 725.

⁶ Brown E. Op. cit. P. 147.

1982 г. пошла дальше и с учетом возможного распространения «естественного продолжения» материка прибрежного государства далее 200 морских миль позволила прибрежному государству с соблюдением определенных процедур и до определенных границ расширить свой КШ за пределы 200 морских миль (ст. 76 (пп. 4-8)).

Концепция ИЭЗ, напротив, является достаточно молодой и насчитывает порядка 40 лет, хотя предпосылки ее появления можно обнаружить начиная с 1945 г., когда одновременно с изданием упоминавшейся прокламации Трумэна по КШ, также была опубликована Прокламация о рыболовстве, которая наделила Правительство США полномочиями установить «внешне обязывающие» зоны сохранения в районах открытого моря, прилежащих побережью США⁷. За этим последовала серия односторонних ресурсоориентированных притязаний латиноамериканских и африканских государств на широкие территориальные моря и рыболовные зоны⁸. Но уже в 1960–1970-е гг. эти государства планомерно распространили свое требование на все природные ресурсы морского дна и поверхностных вод в 200-мильной зоне, прилегающей к их побережьям⁹. Вскоре эти шаги привели к появлению идеи установления единой экономической зоны до 200 миль, в которой прибрежное государство пользуется суверенными правами над всеми природными живыми и неживыми ресурсами, но при этом другие свободы открытого моря, в частности судоходство, остаются незатронутыми. На III Конференции по морскому праву концепция ИЭЗ была даже признана частью международного обычного права и впервые нашла свое отражение в универсальном международном договоре — Конвенции 1982 г.¹⁰

Положения Конвенции 1982 г. об ИЭЗ, как, впрочем, и многие другие ее разделы, стали следствием компромисса, достигнутого между ведущими морскими державами, стремящимися обеспечить максимальные возможности по эксплуатации Мирового океана (как в качестве транспортной системы, так и в качестве источника ресурсов), и развивающимися государствами, пытающимися защитить воды, примыкающие к их побережьям, от чрезмерной эксплуатации и тем самым сохранить за собой ресурсную базу для дальнейшего развития.

⁷ Brownlie I. Principles of Public International Law. Sixth Edition. New York: Oxford University Press, 2003. P. 198.

⁸ Churchill R., Lowe A. The law of the sea. Second edition. Manchester: Manchester University Press, 1988. P. 133.

⁹ Brownlie I. Op. cit. P. 199; Evans M. Op. cit. P. 644.

¹⁰ Evans M. Op. cit. P. 644-645.

Описанные компромиссы в отношении КШ и ИЭЗ, к сожалению, выразились в не совсем четком закреплении в Конвенции 1982 г. сущности указанных правовых явлений, что, видимо, и повлияло на соответствующую научную и учебную литературу по морскому праву.

Но почти тридцатилетний опыт применения Конвенции 1982 г. позволяет лучше разобраться в этом вопросе и подойти к нему не только с теоретической, но и вполне практической точек зрения. Отдавая дань строго академическому методу логического анализа текста Конвенции 1982 г., постараемся также рассмотреть, каким образом сами государства-участники понимают и на деле реализуют ее положения. В этом смысле вполне показательным представляется пример разграничения морских пространств Северного моря как один из наиболее успешных прецедентов мирного разрешения международных споров в условиях возрастающих юрисдикционных притязаний прибрежных государств и кардинального обновления международного морского права.

2. И все же начнем с теории. Если вооружиться элементарным логическим подходом и попытаться с его помощью проанализировать содержание понятий «КШ» и «ИЭЗ», изложенных в Конвенции 1982 г., можно прийти к достаточно любопытным выводам.

Определение понятия «ИЭЗ» содержится в ст. 55 Конвенции 1982 г.: «Исключительная экономическая зона представляет собой район, находящийся за пределами территориального моря и прилегающий к нему, который подпадает под установленный в настоящей Части особый правовой режим, согласно которому права и юрисдикция прибрежного государства и права и свободы других государств регулируются соответствующими положениями настоящей Конвенции». Из данного определения следует, что ИЭЗ — это в чистом виде правовое понятие, которое совершенно искусственно обособляет один из районов Мирового океана для определенных целей. Тем не менее, это определение ИЭЗ позволяет нам выявить не только юридические, но физические признаки ИЭЗ.

Основной физической признак ИЭЗ — это обозначение ее в качестве конкретного пространственного района Мирового океана, находящегося за пределами территориального моря и примыкающего к нему. Дополнительный физический признак содержится в ст. 57 Конвенции 1982 г., в которой говорится, что ширина ИЭЗ не должна превышать 200 морских миль, отсчитываемых от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря. Таким образом, максимальная ширина ИЭЗ при наибольшей ширине

территориального моря в 12 морских миль не может быть более 188 морских миль.

Юридическим признаком ИЭЗ, исходя из определения, является наличие в ней особого правового режима, согласно которому права и юрисдикция прибрежного государства и права и свободы других государств регулируются соответствующими положениями Конвенции 1982 г. Если под правовым режимом подразумевать порядок правомерного использования (эксплуатации) ИЭЗ, становится понятно, что специфика этого района раскрывается через конкретные права и обязанности прибрежного государства и иных государств по его использованию.

Эти права (включая юрисдикцию) и обязанности прибрежного государства в ИЭЗ установлены в ст. 56 Конвенции 1982 г., а права и обязанности других государств — в ст. 58.

Согласно ст. 56 Конвенции 1982 г. прибрежное государство в ИЭЗ имеет суверенные права¹¹ в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов как живых, так и неживых, в водах, покрывающих морское дно, на морском дне и в его недрах, а также в целях управления этими ресурсами, и в отношении других видов деятельности по экономической разведке и разработке указанной зоны, таких, как производство энергии путем использования воды, течений и ветра. Иначе говоря, прибрежное государство в этом районе обладает суверенными правами на его экономическое использование (при соблюдении, конечно, предусмотренных Конвенцией 1982 г. прав и законных интересов других государств по правомерному использованию моря)¹².

При этом существенным является то, что прибрежное государство обладает суверенными правами не на ИЭЗ как таковую, а в ИЭЗ, т.е. права не на район с особым правовым режимом, а в районе.

Следует обратить внимание также на то, что, перечисляя конкретные суверенные права, разработчики Конвенции 1982 г. четко указали, в каких именно областях ИЭЗ эти права могут осуществляться, определив тем самым дополнительные физические

признаки ИЭЗ — конкретные области ее распространения.

Обозначенные характеристики ИЭЗ позволяют заключить, что с пространственной точки зрения ИЭЗ представляет собой трехмерный район, находящийся за пределами территориального моря и примыкающий к нему, имеющий определенную ширину и включающий не просто водную поверхность, но и всю водную толщу над морским дном, морское дно и его недра, а также воздушное пространство над этими водами (судя по возможности прибрежного государства использовать энергию ветра в этом районе).

Таким образом, ИЭЗ — это пространственный комплекс, включающий в определенных границах разные географические и геологические объекты. В этом смысле ИЭЗ является аналогом территориального моря, за исключением того, что в территориальном море прибрежное государство обладает суверенитетом, а в ИЭЗ — лишь отдельными суверенными правами.

И, кроме того, в отличие от территориального моря, правовой статус ИЭЗ в Конвенции 1982 г. четко не обозначен, что оставляет ученым поле для различных толкований. Так, многие советские и российские авторы придерживаются мнения, что ИЭЗ — это часть района открытого моря со специфическим режимом¹³. Зарубежные исследователи в подавляющем большинстве считают, что за пределами внешней границы территориального моря введение концепции ИЭЗ изменило статус вод вплоть до 200-мильного предела¹⁴. Этот район больше не является частью открытого моря¹⁵, а ИЭЗ является, скорее, зоной особого рода (*sui generis*)¹⁶. Впрочем, данный антагонизм не является абсолютным: например, известный российский ученый профессор А.Л. Колодкин также считает, что пространство, ставшее частью ИЭЗ, утратило статус открытого моря и стало зоной *sui generis*¹⁷.

Пункт 1 ст. 76 Конвенции 1982 г. дает определение КШ: «Континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного

¹¹ Смысл понятия «суверенные права» раскрыт еще в Конвенции 1958 г. Он означает, что такие права считаются прерогативой государства, и если государство само не реализует их, никто не вправе их себе присвоить или реализовать за него, кроме как с явно выраженного согласия этого государства. Совокупность всех суверенных прав представляет собой полный суверенитет. Здесь же речь идет не о суверенитете в целом, а об отдельных суверенных правах.

¹² Колодкин А.Л. Международное морское право. В кн.: Международное право. Учебник / Под ред. А.Я. Капустина, А.Л. Колодкина, Б.Р. Тузмухамедова. М.: Норма, 2007. С. 599; Молодцов С.В. Указ. соч. С. 147.

¹³ Вылегжанин А.Н., Гуреев С.А., Иванов Г.Г. Международное морское право. Учебное пособие. М.: Юридическая литература, 2003. С. 98-99, 100, 112, 113; Ковалев А.А. Современное международное морское право и практика его применения. М.: Научная книга, 2003. С. 83-84; Молодцов С.В. Указ. соч. С. 141.

¹⁴ Brown E. Op. cit. P. 21; Oppenheim's International Law. P. 725.

¹⁵ Brown E. Op. cit. P. 21, 219; Brownlie I. Op. cit. P. 227.

¹⁶ Brown E. Op. cit. P. 21; Churchill R., Lowe A. Op. cit. P. 137.

¹⁷ Колодкин А.Л. Указ. соч. С. 599.

продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние».

В отличие от ИЭЗ, определение КШ, дается путем прямого указания на те объекты, которые включает шельф: морское дно и недра подводных районов. При этом реальное наличие подводной окраины материка (естественного КШ) влияет лишь на величину шельфа, но не на саму возможность его формального признания за прибрежным государством («юридический» КШ). Другими словами, естественный геологический шельф может не достигать 200 миль, тогда у прибрежного государств есть возможность «нарастить» его с помощью «юридического» шельфа до этой 200-мильной отметки, не доказывая никому это свое право. Однако в случае простираения естественного геологического шельфа за пределы 200 миль, прибрежное государство обязано с помощью определенных процедур обосновать перед специальной Комиссией ООН по КШ свои притязания на участок шельфа, выходящий за пределы 200 миль. В противном случае шельф этого государства будет ограничиваться 200 морскими милями, как и в случае с «юридическим» шельфом. Таким образом, единственный формальный недостаток «юридического КШ» перед естественным — это невозможность его расширения далее 200 морских миль от исходных линий. В иных отношениях «юридический шельф» имеет серьезные преимущества, поскольку он утратил свою изначальную геологическую природу и стал исключительно правовым понятием, как и ИЭЗ. Любые дно и недра подводных районов за пределами территориального моря прибрежного государства в рамках 200 морских миль, считаются теперь КШ, независимо от фактического наличия подводной окраины материка.

Если сравнить составные части КШ (морское дно и недра подводных районов) с выявленными нами элементами, входящими в понятие «ИЭЗ» (морское дно и его недра, водное пространство над морским дном, воздушное пространство над этими водами), становится очевидным, что с пространственной точки зрения в пределах 200 морских миль КШ полностью покрывается более широким понятием ИЭЗ.

Ст. 77 Конвенции 1982 г.¹⁸ предоставляет прибрежному государству над КШ суверенные права в целях его разведки и разработки его природных ресурсов. В этом смысле прибрежное государство об-

ладает над КШ теми же самыми суверенными правами, что и в отношении морского дна и недр в ИЭЗ. Соответственно, упоминание в ИЭЗ суверенных прав в отношении природных ресурсов морского дна и его недр вызывает частичное совпадение с правовым режимом КШ¹⁹.

Отсюда следует, что с точки зрения полноты прав прибрежного государства в пределах 200 морских миль от исходных линий суверенные права прибрежного государства над КШ также полностью покрываются соответствующими суверенными правами в ИЭЗ и таким образом составляют их часть. Отдельные зарубежные ученые верно подмечают, что юрисдикция (в широком смысле) над ресурсами морского дна и недр в ИЭЗ равна юрисдикции над КШ²⁰.

Что характерно, как и в случае с ИЭЗ, Конвенция 1982 г. не определяет статус КШ. Лишь упоминается, что права прибрежного государства над КШ не затрагивают правового статуса покрывающих вод и воздушного пространства над этими водами. В отличие от Конвенции 1958 г., где подчеркивалось, что покрывающие воды над шельфом сохраняют статус открытого моря, статус вод над шельфом теперь зависит от наличия или отсутствия ИЭЗ.

Все сказанное приводит нас к выводу о том, что на всем своем протяжении ИЭЗ включает в себя КШ, водную толщу над ним и воздушное пространство над этими водами.

3. Данный вывод подтверждается содержанием п. 3. ст. 56 Конвенции 1982 г.: «права, изложенные в настоящей статье в отношении морского дна и его недр, осуществляются в соответствии с Частью VI «Континентальный шельф»²¹. Именно поэтому некоторые специалисты прямо говорят, что дно и недра 200-мильной ИЭЗ совпадают с КШ²².

Приведенная отсылочная норма наводит на мысль, что положения Конвенции 1982 г., касающиеся КШ и ИЭЗ, с точки зрения юридической техники, соотносятся как специальная норма и норма общая (*lex specialis* и *lex generalis*).

Это согласуется и с положениями российского законодательства. Так, в п. 1 (2) ст. 5 Федерального закона «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» № 191-ФЗ от 17 декабря 1998 г. предусмотрено, что геологическое изучение, поиск, разведка и разработка минеральных и других неживых ресурсов морского дна и его недр, а также добыча

¹⁸ Название статьи в официальном русском тексте имеет неточный перевод – права не на шельф, а над КШ.

¹⁹ Oppenheim's International Law. P. 792.

²⁰ Evans M. Op. cit. P. 645.

²¹ Вылегжанин А.Н., Гуреев С.А., Иванов Г.Г. Указ. соч. С. 143.

²² Brown E. Op. cit. P. 218.

(вылов) водных биоресурсов, относящихся к «сидячим видам», производятся в соответствии с Законом Российской Федерации «О недрах», Федеральным законом «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», Федеральным законом «О континентальном шельфе Российской Федерации», другими федеральными законами, применимыми к ИЭЗ и деятельности в ней. Отсюда некоторые российские ученые делают вывод, что КШ, как и ИЭЗ представляют собой единое пространство, в отношении которого Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию²³.

В этом смысле при наличии установленной прибрежным государством ИЭЗ самостоятельное в международно-правовом смысле (не на национальном уровне) значение приобретает лишь КШ за пределами ИЭЗ.

Полученный вывод созвучен изначальному замыслу авторов концепции ИЭЗ.

Недаром на III Конференции ООН по морскому праву Уганда, Непал и другие страны, не имеющие выхода к морю, выразили несогласие с концепцией КШ и считали, что она должна быть заменена в целом концепцией экономической зоны шириной до 200 морских миль. Они соглашались с признанием КШ лишь в пределах, совпадающих с шириной экономической зоны. Этой же точки зрения придерживалось большинство прибрежных государств африканского континента. Видимо, поэтому главы африканских государств и правительств в Декларации Организации африканского единства решили рекомендовать, чтобы понятие КШ входило в понятие ИЭЗ шириной в 200 морских миль, отмеряемой от соответствующей исходной линии, и чтобы район, выходящий за эти пределы, составлял часть международного района, к которому применяется понятие общего достояния человечества²⁴.

Хотя, очевидно, не все рекомендации развивающихся государств были учтены, но, идя им навстречу, разработчики текста Конвенции 1982 г., судя по ее формулировкам, согласились сделать КШ в пределах ширины ИЭЗ неотъемлемой ее частью.

4. Прямо или косвенно этот вывод признается в работах различных зарубежных и российских авторов. Так, английские профессора Дженнингс и Уотс отмечают, что эти два режима (КШ и ИЭЗ) могут быть частично или полностью перекрывающимися²⁵. Аналогичного мнения придерживается их соотече-

ственный проф. Броунли, говоря, что ИЭЗ, если заявляется, сосуществует с режимом КШ, который регулирует права в отношении морского дна и недр (п. 3 ст. 56 Конвенции 1982 г.)²⁶, а также, что ИЭЗ включает долю КШ на морском дне 200-мильной зоны²⁷. Более того, само морское дно в пределах ИЭЗ является КШ²⁸. Сюда же можно присовокупить лаконичное высказывание англичанина Эванса о том, что ИЭЗ, помимо водных ресурсов, «включает в себя дополнительные элементы»²⁹.

В трудах советских авторов также можно встретить ряд четких указаний на содержание понятия ИЭЗ. Например, утверждается, что ИЭЗ есть более сложное явление, чем рыболовная зона, прилежащая зона или КШ. ИЭЗ, по их мнению, включает в определенной мере те же самые родовые признаки (some genus), что и другие функциональные зоны, такие как прилежащая зона, КШ, зоны защиты от загрязнения, а также исключительная рыболовная зона³⁰. При этом объем прав других государств в поверхлежащих над КШ водах в пределах 200 морских миль равен объему их прав в экономической зоне³¹. Говоря об ИЭЗ как о новом правовом институте международного морского права, российские авторы подчеркивают, что многие его элементы давно известны и признаны в международном морском праве и законодательстве тех или иных государств. К ним относятся, в частности суверенные права прибрежного государства на ресурсы морского дна и его недр в пространствах, примыкающих к территориальному морю, составляющие правовое содержание концепции КШ³².

5. Осознание единства ИЭЗ и КШ приводит некоторых специалистов к идее, что в прибрежных районах, где континентальная окраина не простирается за пределы 200 миль, внешний предел ИЭЗ и КШ будет общим. Если, однако, континентальная окраина простирается далее 200 миль, образуется район за пределами 200 миль, который составляет часть КШ, но не часть ИЭЗ³³.

Разработчики Конвенции 1982 г., очевидно, также понимали эту связь, и отнюдь не случайно на III Конференции ООН по морскому праву вопрос о разгра-

²³ Вылегжанин А.Н., Гуреев С.А., Иванов Г.Г. Указ. соч. С. 43.

²⁴ Молодцов С.В. Указ. соч. С. 127.

²⁵ Oppenheim's International Law. P. 765-766.

²⁶ Brownlie I. Op. cit. P. 200.

²⁷ Op. cit. С. 213-214.

²⁸ Молодцов С.В. Указ. соч. С. 163.

²⁹ Evans M. Op. cit. P. 645.

³⁰ Молодцов С.В. Указ. соч. С. 144.

³¹ Там же. С. 131.

³² Вылегжанин А.Н., Гуреев С.А., Иванов Г.Г. Указ. соч. С. 140.

³³ Brown E. Op. cit. P. 258.

ничении КШ был объединен с вопросом о разграничении ИЭЗ³⁴. Именно поэтому положения Конвенции 1982 г., касающиеся делимитации ИЭЗ между государствами с противоположными или смежными побережьями, являются идентичными с положениями, касающимися делимитации КШ³⁵. Между тем при непосредственной делимитации стороны сами определяют, какие обстоятельства будут иметь для них приоритетное значение. Отсюда, замечают специалисты, будут небольшие различия при взвешивании равных факторов, особенно когда разграничиваемые районы ИЭЗ более важны для рыболовства, чем в отношении нефти и газа³⁶.

6. Международный Суд ООН также задавался вопросом о соотношении ИЭЗ и КШ. По свидетельству профессора Брауна, в деле о КШ Ливия-Мальта Международный Суд высказался следующим образом: две концепции КШ и ИЭЗ были «связаны вместе в современном праве». Более того, Международный Суд отметил, что, поскольку права, которыми пользуется государство над своим КШ, принадлежали бы ему над морским дном и недрами какой бы то ни было ИЭЗ, которую оно могло бы провозгласить, одним из необходимых обстоятельств, которое должно быть принято во внимание для делимитации КШ, является разрешенная ширина ИЭЗ, принадлежащей этому государству. Исследование обстоятельств дела и в целом данной проблемы позволило Суду однозначно заявить, что «хотя там, где нет ИЭЗ, может быть КШ, но не может быть ИЭЗ там, где нет соответствующего КШ»³⁷.

7. Казалось бы, что после такого явного признания Международным Судом ООН шельфа в качестве необходимой части ИЭЗ, не должно было остаться сомнений в этом вопросе, тем не менее в доктрине международного морского права продолжают существовать иные точки зрения, которые порой приводят к практическим казусам.

Например, английские ученые Черчилль и Лоуи, считают, что сейчас существует 2 правовые основы для прав прибрежного государства в отношении морского дна. Первая — это классическая доктрина КШ, как она сформулирована в Конвенции 1958 г. и международном обычном праве. Вторая — новая концепция

ИЭЗ³⁸. По их мнению, важно сохранять эти две основы отдельно, поскольку их происхождение совершенно различно, а кроме того, ИЭЗ имеет ширину в 200 миль, которая может быть больше или меньше ширины КШ³⁹.

На основе этого своего убеждения о необходимости сохранения этих двух «основ» — ИЭЗ и КШ — отдельно они делают далеко идущий вывод о том, что в теории каждая морская зона требует отдельной делимитации, приводя к отдельным границам для территориального моря, ИЭЗ или исключительной рыболовной зоны (в которую прилегающая зона обычно включается), и КШ⁴⁰. По их мнению, согласованность принципов для границ КШ и ИЭЗ означает всего лишь, что «к делимитации границ двух зон можно подходить как к единой проблеме, хотя государства остаются свободными принять различные границы для каждой зоны»⁴¹.

Тот факт, что на практике в подавляющем большинстве случаев при делимитации между противоположными или смежными государствами граница ИЭЗ совпадает с границей КШ, эти ученые объясняют не поглощением линии границы КШ линией границы ИЭЗ, а стремлением государств избежать потенциального конфликта: например, если одно государство хотело бы разрабатывать свой КШ, лежащий под районом ИЭЗ другого государства, богатого рыбными ресурсами⁴².

Признавая тем не менее желательность совпадения границы ИЭЗ и КШ, они считают, что с учетом ст. 74 Конвенции 1982 г., которая предусматривает, что такие границы должны представлять «справедливое решение», во многих случаях будет затруднительно договориться об общей границе. То есть граница, которая могла бы быть справедливой для целей ИЭЗ, может оказаться, по их мнению, несправедливой для целей КШ из-за различных соображений в каждом конкретном случае. Например, фактор распределения рыбных ресурсов будет иметь приоритетное значение при делимитации ИЭЗ, а геологические особенности морского дна или расположение минеральных запасов морского дна — при делимитации КШ⁴³.

Придерживающиеся аналогичной точки зрения специалисты объясняют факт совпадения границ всего лишь тем, что в случае установления различных

³⁴ Молодцов С.В. Указ. соч. С. 133.

³⁵ Brownlie I. Op. cit. P. 219; Churchill R., Lowe A. Op. cit. P. 159.

³⁶ Churchill R., Lowe A. Op. cit. C. 220.

³⁷ Brown E. Op. cit. P. 147.

³⁸ Churchill R., Lowe A. Op. cit. P. 123.

³⁹ Op. cit.

⁴⁰ Op. cit. P. 153.

⁴¹ Op. cit. P. 160.

⁴² Op. cit. P. 159-160.

⁴³ Op. cit.

границ это только увеличивает их изобилие, порождая тем самым большое количество случаев перекрывающихся «юрисдикционных» прав над соответствующими прилежащими водами⁴⁴.

В обоснование своей теории Черчилль и Лоуи могут назвать лишь один случай согласования различных линий границы для ИЭЗ и КШ — Договор о морских границах между Австралией и Папуа-Новой-Гвинеей 1978 г., касающийся пролива Торреса⁴⁵. Этот договор предусматривает расхождение между границами рыболовной юрисдикции и границами юрисдикции над морским дном в проливе Торреса, чтобы, с одной стороны, признать значимость рыболовства для жителей отдельных австралийских островов близких к Папуа-Новой-Гвинее, а с другой, — чтобы избежать установления анклавов, населенных австралийцами, к северу от общей морской границы между двумя государствами⁴⁶.

На наш взгляд, такое искусственное разделение понятий «ИЭЗ» и «КШ» свидетельствует, очевидно, о нечетком понимании данными учеными неразрывного единства этих категорий и их соотношения. Говоря о различном происхождении концепций КШ и ИЭЗ, они явно забывает, что по замыслу авторов концепции ИЭЗ должна быть единая зона до 200 миль, в которой прибрежное государство пользуется суверенными правами над всеми природными живыми и неживыми ресурсами, что и нашло, как мы выше установили, отражение в Конвенции 1982 г. Бесспорно, появление концепции ИЭЗ внесло серьезные новшества в уже устоявшиеся представления. Имея в основе своего происхождения концепцию исключительной рыболовной зоны, ИЭЗ получила серьезное развитие и в пределах 200 морских миль от исходных линий включила в себя КШ. Если от ИЭЗ отделить, как предлагают Черчилль и Лоуи, шельф, то это уже не будет ИЭЗ. Без КШ этот район, включающий водную толщу и воздушное пространство над ним, станет, например, рыболовной зоной и зоной по использованию энергии ветра. Судя по высказываниям, эти ученые просто отождествляют ИЭЗ и рыболовную зону. Пример же, который они приводят по разграничению пролива Торреса, говорит не в пользу разработчиков договора. Вопрос этот можно было бы решить с помощью обычного разграничения экономических зон и предоставления в ИЭЗ Папуа-Новой-Гвинее прав рыболовства жителям австралийских островов. Причина этого

парадоксального прецедента видится в том, что в момент подготовки Договора 1978 г. Конвенция 1982 г. еще не была даже подписана, и о концепции ИЭЗ тогда многие государства имели достаточно смутные представления, что, похоже и повлияло на неверное применение ее на практике.

8. В качестве практического подтверждения полученных выводов приведем один любопытный пример, демонстрирующий, каким образом прибрежные государства отреагировали на появление концепции ИЭЗ в условиях утвердившейся самостоятельной концепции КШ. Опыт прибрежных государств по разграничению морских пространств Северного моря является, как мы уже упоминали, одним из наиболее ярких примеров, свидетельствующих о неразрывном единстве понятий ИЭЗ и КШ. В условиях нарастания территориальных притязаний и изменения базовых положений международного морского права прибрежные Северному морю государства смогли найти взаимоприемлемые решения, которые не только послужили ориентиром для дальнейшей практики других государств, но и серьезно повлияли на будущее развитие морского права. Так уж исторически сложилось, что эти прибрежные государства (Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, ФРГ, Дания и Норвегия) являются наиболее развитыми странами Западной Европы как в экономическом, так и в правовом смысле. И не последнюю роль в их прогрессе играет активная морская деятельность. Поэтому неудивительно, что правовая позиция этих государств часто является определяющей при формировании тех или иных понятий международного морского права.

Существенную роль в поддержании благополучия этих стран сыграло обнаружение в конце 1950-х гг. значительных запасов нефти и газа в Северном море. Национальное законодательство, регулирующее порядок осуществления разработок на шельфе в этих странах в этот период еще отсутствовало. Поэтому вскоре после появления Конвенции 1958 г. многие из этих государств (кроме Бельгии и ФРГ) стали ее участниками. Конвенция 1958 г., как уже отмечалось, позволяла государствам распространить свой КШ до пределов, доступных для эксплуатации, что не могло не вызвать необходимости четкого определения в международных договорах линии разграничения шельфа, находящегося между противоположными или смежными побережьями этих государств. Для Северного моря эта проблема была особенно актуальна, поскольку весь его подводный район морского дна составляет КШ⁴⁷.

⁴⁴ URL: http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/atlas-seas-oceans_en.html. De Vivero J. & Mateos J. Atlas of the European Seas and Oceans. Marine jurisdictions, sea uses and governance. P. 30.

⁴⁵ Churchill R., Lowe A. Op. cit. P. 160.

⁴⁶ Op. cit.

⁴⁷ Shaw M. International Law. Fifth edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 521.

Процесс делимитации КШ в Северном море шел очень непросто. Порой государства были вынуждены прибегать к помощи международных институтов (Спор между Нидерландами и ФРГ, а также между Данией и ФРГ 1969 г.), которые оказали сильное влияние на дальнейшее развитие международного морского права.

Так, решение Международного Суда ООН по делам о КШ Северного моря 1969 г. внесло существенный вклад в понимание природы и определение КШ. Суд описал принцип естественного продолжения сухопутной территории как идею более фундаментальную, чем близость побережья⁴⁸. Более того, Международный Суд фактически выработал комплексную систему принципов и норм общего международного права по делимитации границ КШ, которые отличаются от принципов, установленных в Конвенции 1958 г.⁴⁹

Процесс разграничения КШ Северного моря завершился лишь в 1990 г. путем подписания последнего двустороннего соглашения между государствами о линии прохождения границы шельфа.

Но к этому времени уже более 20 лет в мире существовала концепция ИЭЗ. Однако в северо-западной Европе эта концепция далеко не сразу нашла своих сторонников. Долгое время в этом регионе доминирующей оставалась концепция ИРЗ (исключение составляет лишь Франция).

В результате принятия Советом ЕЭС 3 ноября 1976 г. Резолюции о расширении государствами-членами ЕЭС с 1 января 1977 г. пределов своих рыболовных зон до 200 миль в Северном море и Северной Атлантике, в большинстве прибрежных государств Северного моря национальными актами рыболовные зоны были расширены до 200 морских миль. Однако это не породило волну новых территориальных споров, поскольку, границы этих зон в тех морских районах, где смежное или противоположное побережье соседнего государства не позволяло увеличить рыболовную зону на такое расстояние, прошли по линии разграничения КШ.

Эти взаимные односторонние шаги, предпринятые государствами в своих национальных актах, не вызвали протестов заинтересованных государств. Они согласились с тем, что территориальные границы рыболовной юрисдикции совпадают с границами КШ.

Появившиеся впоследствии новые юрисдикционные зоны, например, английские «Зона контроля за загрязнением» (Pollution Control Zone, Закон о торговом

судоходстве 1995 г.)⁵⁰ и Зона возобновляемой энергии (Renewable Energy Zone, Закон об энергетике 2004 г.) не выходили за пределы границ КШ (границы сливались), с чем молчаливо соглашались соседние государства⁵¹. Несмотря на постепенную замену в этих странах концепции ИРЗ на более прогрессивную ИЭЗ, данные государства не стали заключать специальных соглашений по делимитации ИЭЗ.

Учитывая неразрывную связь между ИЭЗ и КШ, эти государства тем или иным образом закрепили в своем законодательстве идею единства этих понятий, в том числе и в отношении их границ. Так, в ст. 1 нидерландского Указа от 13 марта 2000 г. прямо говорится, что в случае необходимости делимитации с соседними государствами внешние границы ИЭЗ Нидерландов совпадают с внешними границами нидерландской части КШ. Но в большинстве случаев прибрежные Северному морю государства пошли по пути указания в своих национальных актах конкретных координат точек линии границы своей ИЭЗ, которые совпали с координатами точек линии разграничения КШ, установленными ранее в различных международных соглашениях. Например, внешняя граница ИЭЗ Бельгии согласно Закону от 22 апреля 1999 г. определяется по конкретным точкам, координаты которых совпадают с координатами точек внешней границы КШ Бельгии, а рыболовная зона Бельгии теперь «имеет общую границу с исключительной экономической зоной» (ст. 1 Закона 1978 г.).

Таким образом, практика и в этом случае подтверждает единообразие подходов к КШ и ИЭЗ, что говорит в пользу наших предположений.

⁵⁰ URL: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1995/plain/ukpga_19950021_en

⁵¹ Вопреки распространенному мнению, что в Великобритании до 2009 г. не было ИЭЗ, должны заметить, что эта страна на самом деле долгие годы благополучно пользовалась всеми известными на тот момент суверенными правами и юрисдикцией, предусмотренными в Конвенции 1982 г. для ИЭЗ. Не устанавливая единую ИЭЗ, Великобритания заявила о своих правах над КШ (Закон о континентальном шельфе 1964 г.), расширила границы своей рыболовной зоны до 200 морских миль (Закон о рыболовных пределах (Fishery Limits) 1976 г.), установила над районами КШ «Зону контроля за загрязнением» – Pollution Control Zone (Закон о торговом судоходстве 1995 г. и Декрет № 282 о торговом судоходстве 1996 г.), а также «Зону возобновляемой энергии» – Renewable Energy Zone (Закон об энергетике 2004 г., определяет порядок эксплуатации этих районов над КШ для производства энергии воды или ветра). Распространение Великобритании своей юрисдикции на указанные морские районы в рамках, установленных Конвенцией 1982 г. для ИЭЗ, позволяет говорить о фактическом наличии в Великобритании ИЭЗ и до 2009 г.

⁴⁸ Oppenheim's International Law. P. 771.

⁴⁹ Op. cit. P. 780.

9. Что удивительно, в современном мире все еще имеют место случаи, которые свидетельствуют о некотором недопонимании государствами соотношения понятий «ИЭЗ» и «КШ».

Так, в 2005 г. между Россией, Швецией и Литвой было заключено Соглашение о точке стыка границ исключительных экономических зон и континентального шельфа в Балтийском море, хотя никакого шельфа за пределами ИЭЗ в Балтийском море у этих трех государств нет в силу ограниченной площади самого Балтийского моря. Последнее обстоятельство как раз и вынуждает государства осуществлять делимитацию экономических зон, не достигающих ширины в 200 морских миль. Аналогичное недоразумение имеется в Договоре между Россией и Литвой о разграничении исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Балтийском море 1997 г.

10. Говоря о причинах столь неоднозначного отношения к понятиям КШ и ИЭЗ, особо следует выделить непоследовательный ход их эволюции. Появившись почти на 40 лет раньше, концепция КШ сформировала у специалистов определенное восприятие этого явления как самостоятельного правового института, основанного как на международно-правовых нормах, так и на практике. Однако постепенное развитие данной доктрины, возникновение более прогрессивной концепции ИЭЗ, изменение многих фундаментальных норм о КШ, позволяют, на наш взгляд, говорить об утрате самостоятельного значения КШ в пределах ИЭЗ.

Хотя, надо признать, определенные противоречия между нормативными положениями о КШ и ИЭЗ сохраняются. Так, например, согласно п. 3 ст. 77 Конвенции 1982 г., который полностью воспроизводит п. 3 ст. 2 Конвенции 1958 г., права прибрежного государства над КШ не зависят от эффективной или фиктивной оккупации им шельфа или от прямого об этом заявления. Другими словами, прибрежное государство обладает правами над КШ независимо от того, заявило оно их или нет. Это подтвердил Международный Суд ООН в своем решении по делам о КШ Северного моря 1969 г., заявив, что эти суверенные права прибрежного государства над КШ существуют *ipso facto ab initio* (в силу самого факта и с самого начала)⁵². Аналогичного положения относительно ИЭЗ Конвенция 1982 г. не содержит, что говорит об опционности ИЭЗ⁵³. Практически все мировое сообщество признает, что прибрежное государство должно открыто объявить об установлении ИЭЗ, чтобы получить на нее

право⁵⁴. Иначе говоря, необходимо особо заявить признания в отношении экономической зоны⁵⁵. Отсюда, делают вывод ученые, само существование суверенных прав зависит от воли прибрежного государства⁵⁶. При этом согласно ст. 56 Конвенции 1982 г. прибрежное государство обладает суверенными правами над всеми природными ресурсами своей ИЭЗ, включая ресурсы морского дна⁵⁷, т.е. КШ. Получается несколько парадоксальная ситуация, когда КШ, входящий в ИЭЗ, для своего признания не требует объявления со стороны прибрежного государства, а ИЭЗ — требует. Данное противоречие, по мнению специалистов, стало следствием развития концепции ИЭЗ, которое в определенной степени запутало вопрос⁵⁸. Впрочем, это теоретическое противоречие на практике едва ли вызывает затруднения, поскольку государства все же предпочитают явно заявлять свои права над КШ, так как в противном случае неясны границы КШ, что может вызвать недоразумения с другими государствами при его разведке и разработке.

Свою негативную роль в понимании сущности КШ и ИЭЗ сыграло, возможно, также не совсем верное структурирование Конвенции 1982 г. Нормы, касающиеся КШ, вынесены в Конвенции 1982 г. в отдельную часть, тем самым графически и структурно уравнивая шельф по значимости с ИЭЗ. Как ни странно, те же Черчилль и Лоуи признают, что если бы не было сильного желания со стороны многих прибрежных государств, отраженного сейчас в положениях Конвенции 1982 г., включить в КШ те части континентальной окраины, простирающейся за пределы 200 миль, КШ мог бы быть включен в ИЭЗ⁵⁹. Однако в итоге сочетание специфических интересов различных государств в отношении КШ привело к конвенционному установлению в международном морском праве, по существу, двойного режима: одного — для КШ в границах ИЭЗ и другого — для КШ, находящегося за пределами ИЭЗ⁶⁰.

Представляется, что было бы более разумным не выносить положения о КШ в отдельную часть, а сделать соответствующий раздел в V части Конвенции 1982 г., полностью посвященной ИЭЗ. Это отнюдь не повредило бы идее в определенных случаях установить КШ далее 200 морских миль на всем протяжении внешней окраи-

⁵⁴ Brown E. Op. cit. P. 218.

⁵⁵ Shaw M. Op. cit. P. 523.

⁵⁶ Oppenheim's International Law. P. 804.

⁵⁷ Shaw M. Op. cit. P. 523.

⁵⁸ Op. cit. P. 523.

⁵⁹ Churchill R., Lowe A. Op. cit. P. 137.

⁶⁰ Молодцов С.В. Указ. соч. С. 133.

⁵² Evans M. Op. cit. P. 642.

⁵³ Brownlie I. Op. cit. P. 200.

ны материка под водой (естественный шельф), поскольку при наличии специальной нормы она имеет приоритет перед общей (*lex specialis derogat generali*). Но на сегодняшний день приходится с сожалением констатировать, что данные положения Конвенция 1982 г. продолжают порождать не только теоретические споры, но и негативно влиять на формирование единообразной базы международных договоров по делимитации.

Надеемся, что наше исследование поможет внести некоторую ясность в один из непростых вопросов современного международного морского права, и продемонстрирует, что понятия «КШ» и «ИЭЗ», как с практической, так и с юридической точек зрения, допустимо и целесообразно различать лишь в тех случаях, когда речь идет о подводном продолжении материка за пределами ИЭЗ.

Библиографический список:

1. Вылегжанин А.Н., Гуреев С.А., Иванов Г.Г. Международное морское право. Учебное пособие. М.: Юридическая литература, 2003.
2. Ковалев А.А. Современное международное морское право и практика его применения. М.: Научная книга, 2003.
3. Молодцов С.В. Международное морское право. М.: Международные отношения, 1987.
4. Международное право. Учебник / Под ред. А.Я. Капустина, А.Л. Колодкина, Б.Р. Тузмухамедова. М.: Норма, 2007.
5. Brown E. The International Law of the Sea. Volume I. Introductory Manual. — Aldershot: Dartmouth Publishing Company Limited, 1994.
6. Brownlie I. Principles of Public International Law. Sixth Edition. New York: Oxford University Press, 2003.
7. Evans M. International Law. First Edition. New York: Oxford University Press, 2003.
8. Churchill R., Lowe A. The law of the sea. Second edition. Manchester: Manchester University Press, 1988.
9. Shaw M. International Law. Fifth edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
10. Oppenheim's International Law. Ninth Edition. Volume I. Peace. Essex: Longman Group UK Limited, 1992.

References (transliteration):

1. Vylegzhanin A.N., Gureev S.A., Ivanov G.G. Mezhdunarodnoe morskoe pravo. Uchebnoe posobie. M.: Yuridicheskaya literatura, 2003.
2. Kovalev A.A. Sovremennoe mezhdunarodnoe morskoe pravo i praktika ego primeneniya. M.: Nauchnaya kniga, 2003.
3. Molodtsov S.V. Mezhdunarodnoe morskoe pravo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1987 g.
4. Mezhdunarodnoe pravo. Uchebnik / Pod red. Kapustina A.Ya., Kolodkina A.L., Tuzmukhamedova B.R. M.: Norma, 2007.